

Ю. А. КАРПЕНКО

ТОПОНИМЫ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ (вопросы взаимосвязи)

Генетические связи топонимов с географическими терминами общеизвестны. Ведь именно местные географические термины наряду с именами людей являются важнейшим источником топонимии. Однако эти связи четко прослеживаются и в функционировании собственных географических названий. Они особенно заметны среди топонимов-переосмыслений, т. е. названий, превратившихся в собственные из нарицательных без морфологических преобразований. Подобные связи при этом вовсе не ограничиваются данной топонимической группой, а охватывают всю топонимию в целом.

Географические термины и топонимы различаются тем, что первые называют класс однородных географических предметов, а вторые именуют отдельные такие предметы, что первые выражают понятия, а вторые их не выражают. Если географические термины обозначают, то топонимы прямо называют¹. Иными словами, различие сводится к тому, что географические термины являются нарицательными названиями, а топонимы — собственными.

В этом смысле две данные лексические группы, допуская многочисленные случаи перехода слов из одной группы в другую, не терпят никаких переходных состояний: географическое название может быть либо топонимом, либо номенклатурным термином. Какого-либо третьего, среднего состояния географическое название не может иметь.

Однако вопрос можно рассмотреть и с другой точки зрения, несколько не исключаящей первую. Ни по распространению, ни по семантической емкости географические термины

---

¹ Е. Курлович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 252.

не являются однородными. Наиболее распространенные из них обычно и наиболее всеобъемлющие, наиболее абстрактные: они группируют географические явления лишь по немногим признакам, часто только по одному, абстрагируясь от остальных признаков.

Например, термин *река* указывает на признак постоянности течения воды, а термин *гора* — на признак возвышенности (в обоих случаях им сопутствует также признак значительности размеров). Если к этим признакам прибавить еще только по одному, то вместо слов *река* и *гора* появятся десятки географических терминов, обозначающих разные виды рек и гор. Эти термины имеют обычно более узкое, локальное употребление.

Такую операцию можно повторить несколько раз, получив в результате для каждого общепотребительного географического термина типа *река*, *гора*, *озеро*, *лес* и т. д. пирамиду географических терминов, в которой каждый нижний ряд отличается от верхнего большей локальностью и меньшей абстрактностью: термины каждого последующего ряда учитывают все большее количество признаков географических объектов, являясь все более конкретными. Одновременно количество предметов, составляющих объем географического термина, с каждым рядом все более уменьшается.

И самый нижний ряд такой пирамиды составляют... топонимы. Именно в топонимах завершаются все те тенденции, которые формируют описанную пирамиду географических терминов. Локальность сводится к точке, количество предметов-носителей — к единице, абстрактность исчезает, а количество признаков, учитываемых названием, охватывает все признаки данного географического объекта.

С этой точки зрения дихотомическое членение географических названий заменяется многослойной иерархией, которая вполне допускает географические термины, более или менее отдаленные от топонимов, допускает и состояния, являющиеся в известном смысле переходными.

Собственно, и по другую сторону границы нарицательных и собственных имен, в сфере топонимии тоже можно выделить группы, более или менее удаленные от географических терминов. Если идти от более крупных объектов к мелким, то можно заметить, что их названия — обычно уже внутри класса микротопонимов — как бы превращаются из имен в фамилии. Как фамилия включает элементы обобщения, будучи общим именем членов одной семьи, так многие микротопонимы обслуживают сразу несколько микрообъектов. Это наблюдается, с одной стороны, в комплексных названиях, когда несколько соседних разнородных объектов имеют одно название, например рядом находящиеся лес *Кадуб*, поле *Кадуб* и ручей *Ка-*

дуб. С другой стороны, такой же процесс можно обнаружить в тождественных названиях одинаковых объектов — названиях, почему-либо распространившихся или просто ставших модными в какой-то местности. Сравните многочисленные *пещеры Довбуша* в Покутско-Буковинских Карпатах.

В этих случаях топонимы несомненно приближаются к географическим терминам. Иногда процесс такого своеобразного обобщения топонимов может развиваться еще дальше — они становятся подобными кличкам домашних животных. По наблюдениям П. П. Чучки, овчары Закарпатья могут легко назвать кличку овцы, не зная ее, так как овца с определенными признаками получает строго определенную кличку². Подобные случаи наблюдаются и в топонимии, собственно в микротопонимии. Такими строго регламентированными топонимическими названиями являются, например, многочисленные на Буковине наименования частей села *Долішній Кут* и *Горішній Кут*, то есть Верхняя часть и Нижняя часть. Названия эти легко могут быть угаданы. Оставаясь в сфере топонимии, они вплотную подходят к географическим терминам.

Как было отмечено, особую близость к географическим терминам выявляют топонимы, являющиеся переосмыслениями. Речь идет о географических терминах, которые превратились в топонимы.

Собственно говоря, топонимические переосмысления, если их сравнивать с другими словообразовательными группами топонимии, являются не столько названиями, сколько эквивалентами собственных географических названий. Функцию названия, например небольшого населенного пункта, вполне может выполнять слово, характеризующее рельеф или ландшафт той местности, где расположен этот населенный пункт. При этом фиксируются случаи, когда жители хутора с наименованием типа *Яр*, *Кичера* (ср. нарицательные *яр* — овраг, *кичера* — вид горы) вообще не дифференцируют имени своего селения и соответствующего нарицательного названия, особенно если реальная причина возникновения собственного имени не уничтожена временем и находится перед глазами.

Топонимическим переосмыслениям присуща ситуация, при которой географические термины иногда могут заменять собственное географическое название. Здесь имеется в виду, в частности, известный случай, когда слово *город* употребляется с конкретным значением «Москва», «Киев» и т. д. Человек,

---

² Эти наблюдения изложены в докладе на VI Украинской славистической конференции в 1964 г. Сравните тезисы доклада: П. П. Ч у ч к а . Слов'янське і неслов'янське в зоонімії Закарпаття. В кн.: «Тези доповідей VI Української славистичної конференції». Чернівці, 1964, стр. 61—63.

добирающийся в Москве от Бескудника на Красную площадь, скажет: «Еду в город». И в данном случае лексема *город* имеет не общий, а конкретный смысл «Москва». Она является здесь, таким образом, собственным географическим названием. Граница между нарицательными и собственными названиями перейдена. Но какая разница все-таки сохраняется между этим употреблением слова *город* и топонимом *Москва*! Слово *город*, кроме указанного значения, может иметь и другое, обычное, то есть быть географическим термином, нарицательной лексемой, охватывающей класс городов вообще. Поэтому в приведенном значении слова *город* говорящий выразительно ощущает сужение значения. А в названии *Москва* ничего подобного нет: сужение значения здесь не ощущается и не может ощущаться, так как его попросту нет. Сохранение этой разницы является, по-видимому, основным функциональным отличием, выделяющим топонимические переосмысления среди других групп собственных географических названий.

Таким образом, в кругу собственных географических названий ближе всего к нарицательным названиям находятся топонимические переосмысления (а среди них особенно микротопонимы). По другую сторону границы, среди нарицательных названий ближе всего к топонимии располагаются местные географические термины, которые имеют в этом смысле значительную градацию своего состава. Поэтому и возможно отмеченное функциональное совпадение этих двух различных групп лексики.

Может вызвать сомнение мысль о том, что в топонимах количество признаков, учитываемых названием, охватывает все признаки данного географического объекта. Это объясняется тем, что топоним не перечисляет признаков объекта, а именуется им в целом. Но топонимическое значение собственного географического названия является ведь не чем иным, как указанием на признаки предмета. Имея в виду определенный географический объект, топоним тем самым по сути указывает на совокупность его признаков.

Собственно говоря, топонимы, будучи знаками для различения географических объектов, сами по себе никаких признаков этих объектов не выражают. Если мы впервые слышим какое-либо собственное географическое имя, то никаких признаков соответствующего географического объекта мы из этого имени, конечно, не извлечем. Именно данную ситуацию характеризуют известные слова К. Маркса: «Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом»³. В этом случае топоним

---

³ К. Маркс. Капитал, т. 1. Госполитиздат, 1955, стр. 107.

содержит для нас не признаки географического объекта, а лишь потенциальную возможность выражать эти признаки. Но чем больше узнаем мы об объекте, тем большим количеством признаков насыщается его название. Знания об объекте концентрируются в его названии, которое может заменять целые страницы описания ⁴.

В этом можно убедиться на примерах, когда от топонима отнимается хотя бы один (известный нам) признак географического объекта. Так, в языке газет нечто подобное происходит с топонимом *Черемушки* — названием наиболее известного района новостроек Москвы. Наша пресса пишет о киевских, минских, ташкентских Черемухах и т. д. Топоним *Черемушки* в подобных случаях утрачивает лишь один признак — «московский, находящийся в Москве», и тем самым по сути перестает быть топонимом. Когда говорят о ташкентских или минских *Черемухах*, то эту лексему употребляют как наименование класса однородных предметов, а не единичного предмета — как географический термин, а не топоним. Только молодость такого употребления позволяет здесь пользоваться еще прописной буквой.

Именно таким путем — путем утраты одного или нескольких признаков топонимы и превращаются в нарицательные географические термины. Ср. укр. *дунай* «поток; разлив реки», румынские видовые названия проточной воды — *nistru*, *prut* ⁵. Ср. также научный географический термин *меандр*, возникший из собственного имени извилистой реки *Меандр*, и т. д. И если две части г. Хмельника, Винницкой области УССР, наиболее удаленные от центра, имеют бытовые названия *Сахалин* и *Камчатка*, то здесь мы имеем дело не просто с перенесением топонимов, а с выделением в них только некоторых признаков, с пониманием их как наименований для целого класса объектов. Иначе говоря, топонимы здесь приближаются к географическим терминам.

Переход топонимов в географические термины имеет, таким образом, принципиальное отличие от многочисленных превращений их в разные нарицательные слова негеографической семантики (*Боржоми* > минеральная вода *боржоми*, *Бо-*

---

⁴ А. П. Критенко недавно интерпретировал отмеченную двойственность собственных имен как факт языка (имя не регистрирует признаков своего носителя) и речи (имя содержит признаки носителя). См. А. П. К р и т е н к о. До теорії власних назв. В кн.: «Ономастика». Київ, 1966, стр. 17—18. При этом автор констатирует возможность перехода имен с богатой семантикой из речи в язык. Трудность вопроса заключается, однако, в том, что и в речи может быть сколь угодно много имен с бедной семантикой. Иными словами, данная двойственность собственных имен проявляется как в языке, так и в речи.

⁵ I. I o r d a n. Toponimia romineasca. Bucuresti, 1963, p. 95.

стон > сукно *бостон* и т. д.). В первом случае собственное географическое название только теряет часть признаков, а во втором оно одновременно приобретает ряд новых признаков.

Противоположный процесс увеличения количества признаков, учитываемых названием, приближает географические термины к топонимам, а иногда и превращает их в топонимы. С увеличением числа учитываемых признаков смысл географического термина становится настолько конкретным, что лишь небольшое количество объектов отвечает этому термину. Если при этом данные объекты рассеяны на территории достаточно редко, то в каждом отдельном случае географический термин употребляется как собственное имя объекта. Так возникли, например, употребительные в буковинской топонимии наименования хуторов *Выгнанка* (отделенная, «выгнанная» часть селения), речек — *Млынивка* (нарицательное *млынивка* означает «поток, пригодный для сооружения мельницы, млына»), пастбищ — *Толока* (местное значение нарицательного *толока* «пастбище, общественный выгон»).

Географические термины могут превращаться в топонимы на разных уровнях и в разных ситуациях. Например, среди группы однородных географических объектов наиболее существенный для местного населения называется часто только номенклатурным именем (которое, таким образом, становится топонимом), а для остальных объектов образуются специальные наименования, отличные от номенклатурного. Ограничиваются только географическим термином и в том случае, если на данной территории есть лишь один объект определенного типа, и его поэтому нет нужды как-то выделять из числа однородных объектов.

Эти пути перехода географических терминов в топонимию, представляющие разновидности топонимической синекдохи, дополняются еще более многочисленными случаями топонимической метонимии, когда географический объект получает в собственные имена номенклатурное название другого, находящегося рядом объекта. Например, селение возле *багны* (болотистой местности) называется *Багной*, возле *пляя* (горной тропинки) — *Пляем* и т. д.

Однако во всех этих и иных случаях основным видом связи географических терминов с топонимами остается описанная выше их конкретизация, которая заключается в возрастании количества учитываемых признаков географических объектов.

Рассматривая сходство и различия географических терминов и топонимов, следует остановиться еще на одном существенном моменте. Поскольку географические термины объ-

единают однородные объекты, а топонимы их различают, то первые не подчиняются принципу относительной негативности, тогда как вторые создаются в соответствии с этим принципом.

Вопрос об относительной негативности четко изложен и теоретически обобщен В. А. Никоновым⁶. Сущность этого явления заключается в том, что основанием топонима становится обязательно дифференциальный, но вовсе не обязательно самый распространенный признак. Исходная семантика топонима определяется временем, историческими, экономическими, социальными условиями, устойчивыми для данной территории традициями и т. д. В целом признаки географического объекта, избираемые населением для его наименования, могут быть весьма разнообразными. Но при этом всегда удовлетворяется одно непереносимое условие: избираемый признак должен быть дифференциальным, т. е. отличать данный объект от смежных (с точки зрения людей, дающих название) объектов, поскольку топонимы и образуются лишь для того, чтобы различать географические объекты.

Так как редкость признака усиливает его дифференциальные возможности, то отмеченная относительная дифференциальность топонимической семантики по сути отождествляется с относительной негативностью топонимов. Редкостный, нехарактерный в целом для местности признак имеет больше всего шансов породить топоним, если этот признак присущ одному из объектов данной местности: ведь нераспространенность признака хорошо выделяет объект из числа прочих.

Негативность, таким образом, свойственна всем без исключения топонимам. В ней и проявляется на практике сущность собственных географических названий как средств дифференциации географических объектов. Поэтому отрицать негативность (дифференциальность) топонимии — это значит отрицать смысл существования топонимии. Нужно лишь не забывать, что эта негативность всегда является относительной. Дифференциация географических объектов складывается исторически, а не строится по принципу наибольшей объективной целесообразности. Основанием топонима может стать не тот признак, который выделяет данный географический объект из числа ближайших, соседних. Он может, наоборот, выделять данный объект по сравнению с очень далекой местностью, из которой прибыли авторы названия⁷.

И суть относительной негативности топонимов вовсе не в том, что «частота соответствующих реалий и топонимов обратно пропорциональна».

---

⁶ В. А. Никонов. Пути топонимического исследования. В кн.: «Принципы топонимики». М., 1964, стр. 77—79.

⁷ Сравн. В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 41—42.

В данном случае трудно согласиться с А. К. Матвеевым, которому принадлежит приведенная полемическая переформулировка идеи относительной негативности.

Совершенно верно защищая необходимость проверки топонимических этимологий географическими реалиями, А. К. Матвеев считает, что препятствием для этого является положение об относительной негативности топонимов. Поэтому он отрицает данное положение: «Возникновение большинства топонимических названий не имеет к этому принципу (относительной негативности. — Ю. К.) никакого отношения. Действительность топонимики намного сложнее. С точки зрения упомянутого принципа невозможно, например, объяснить происхождение метафорических названий гор и скал (*Копна, Зарод, Стожок, Старик, Старуха, Колокольня, Барабан, Коврига, Бубен, Боярин, Сокол, Пун* и т. д.)»⁸. И дальше: «...сколько бы ни было фактов, подтверждающих существование «относительной негативности», намного больший материал всегда будет свидетельствовать против нее. На территории Архангельской области сотни озер называются *Глубокими, Долгими, Кривыми, Круглыми, Белыми, Светлыми* и *Черными*, но никому не удастся доказать, что перечисленные топонимы обязаны своим происхождением тому обстоятельству, что глубокие, длинные, кривые, круглые и прочие озера здесь являются редкостью»⁹.

Между тем топонимический материал свидетельствует не против относительной негативности, а против узкого ее понимания. Нельзя путать относительное и абсолютное. В Архангельской области могут быть тысячи долгих озер, однако для какой-то микротерритории, в каждом конкретном случае различной, этот признак оказывается уникальным, свойственным только одному озеру и не свойственным (поэтому — негативность!) другим. Только в этом случае признак «длгое» и может породить название озера.

Среди десятка скал только одна похожа на копну — лишь в этом случае она может получить название *Копна*. Это отличает ее от остальных скал — остальные скалы не похожи на копну (снова негативность!). Если же весь десяток скал похож на кошны, то одна скала из этого десятка не могла бы получить название *Копна*, ибо это не отвечало бы принципу относительной негативности. Однако вся эта местность может в данном случае называться *Копнами*, если это отличало бы ее от прочих местностей. Масштаб относительности, таким образом, может изменяться, но принцип негативности, диффе-

---

⁸ А. К. Матвеев. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики. «Вопросы языкознания», 1965, № 6, стр. 12—13.

⁹ Там же, стр. 13.

ренциальности остается неизменным.

К сказанному нужно сделать одно существенное дополнение. Относительная негативность топонимов регламентирует их появление, но не регламентирует их существования. Признак, положенный в основу топонима, является дифференциальным в момент появления этого топонима. Затем он может вообще исчезнуть либо, наоборот, распространиться и на другие объекты: для существования топонима это уже не имеет особого значения. И это не противоречит дифференциальной сути топонимии, а зависит только от утраты топонимами их этимологического значения.

При возникновении топонима ведущим является дифференциальное значение признака географического объекта (конечно, признак этот выбирается или даже приписывается объекту обществом соответствующего исторического периода). Когда же топоним возник, содержание этого признака со временем забывается — для существования топонима достаточно, чтобы он отличался от остальных (соседних) топонимов своим звучанием, формой. Поэтому можно сказать, что в функционирующем топониме относительная негативность (дифференциальность) не исчезает, а лишь изменяет адрес: из этимологического содержания она переселяется в план выражения — в звучание названия. Существующие топонимы дифференцируются не своим дотопонимическим значением — здесь оказывается достаточным одно лишь их звучание. Семантическая дифференциация может сохраняться преимущественно как дополнительное средство различения в прозрачных противопоставлениях типа *Нижний Яловец — Верхний Яловец, Старая Краснишора — Новая Краснишора, Гора — Долина* и т. д.

Относительная негативность, таким образом, быстро затухает временем. Кроме того, она не единообразна в своих проявлениях: на нее накладываются временные и территориальные, социальные и психологические различия. В этом смысле она не универсальна. Но она присутствует при рождении каждого без исключения топонима, так как в противном случае топоним не смог бы выполнять свою дифференциальную функцию. И в этом смысле относительная негативность универсальна в топонимии, не затрагивая при этом географическую терминологию.

Не испытывая на себе регулирующего воздействия относительной негативности, географические термины оказываются в связи с этим, как и по ряду иных причин, менее системными, чем топонимы. Точнее говоря, организация географических терминов теснее связана с объектами, с географическими реалиями — она диктуется, строго регламентируется этими реалиями.

Если для собственных географических названий главной, определяющей является связь: топоним — другой топоним, а не топоним — географический объект, то для нарицательных географических терминов более существенной оказывается связь: географический термин — географический объект, а не географический термин - другой географический термин. Поэтому, если можно так выразиться, географические термины более географичны и менее лингвистичны, чем топонимы.